

Никита Богословский

СОВСЕМ НЕДАВНО — ПОЛВЕКА С НЕБОЛЬШИМ

Студент композиторского факультета Ленинградской консерватории Василий Павлович Соловьев-Седой, вернувшись поздней летней ночью домой после веселой гулянки, никак не мог найти ключ от дверей парадного входа (они в те времена на ночь запирались, а ключи были у жильцов). Тогда он, заметив поблизости какие-то ночные ремонтные работы, договорился с крановщиком, и тот, подъехав к дому, взмыл нанимателя до нужного этажа на своем агрегате, после чего тот, прижавши нос к оконному стеклу, стал нетерпеливо в него барабанивать. Представляете себе, какие чувства испытали домашние, разглядев за окном лицо родного человека на высоте четвертого этажа?

В 1946 году, после премьеры в Москве оперетты «11 неизвестных», мы, то есть я, автор музыки, и трое драматургов — В. Дыховичный, Б. Ласкин и М. Слободской, надоев смертельно друг другу, решили поехать отдохнуть порознь. Выбор курортов мы поручили судьбе, потянув жребий. Для этого мы взяли большую карту СССР, и каждый из нас с завязанными глазами должен был ткнуть в нее пальцем наугад. И поклясться, что поедет именно в пункт, указанный «перстом судьбы». Моим хитрым друзь-

ям, предварительно примерившись по карте к предстоящему местонахождению своего пальца, достались Сочи, Евпатория и Минводы. Я, уверенно нацелившись на Ригу, обомлел: оказывается, что, когда я завязал глаза, эти бандиты быстро передвинули карту и я попал пальцем... во Владивосток! Но, поскольку клятва была нерушимой, я, проклиная дурацкую затею, собрался и десять суток тащился на поезде через всю страну, не имея от этого ни малейшего удовольствия (билеты на самолет туда достать было практически невозможно).

В заранее заказанной гостинице меня ждала телеграмма: киностудия требовала срочно приезда — срывались сроки сдачи фильма из-за недописанной мной музыки.

Проклиная идиотскую затею с картой и злясь на подвох друзей, я в тот же день погрузился в поезд (самолет опять оказался нереальным) и всю дорогу наслаждался воплями проживавших в одном купе со мной грудных близняшек.

А вернувшись в Москву, узнал, что нашу картину прикрыли! Вот так я и отдохнул летом 1946 года! И очень злорадствовал, когда узнал, что Дыховичного в сочинской гостинице обокрали до нитки, а Слободской в Евпатории вывихнул но-

гу. Только Борис Ласкин остался безнаказанным.

В те времена был идиотский закон: фильм нужно было сдать в министерство в определенную при его запуске в производство точную дату. А потом он месяцами валялся на полках, ожидая своей очереди на прокат.

В студенческие времена мы подрабатывали — кто как мог. Однажды Васе Соловьеву-Седому какой-то ресторанный оркестрик заказал написать фокстрот. Музыка получилась прелестная. К тому же и текст написал сам композитор. Назывался этот опус «В очередь!». Автор с нетерпением ожидал гонорара, но через несколько дней руководитель оркестра вернул ему ноты, сказав, что музыка хорошая, всем нравится, но публика недовольна — танцует, все время сбивается с такта. А дело было в том, что в обычный двухдольный ритм танца Вася вставил один трехдольный такт, что напрочь сбивало танцоров с привычного ритма. А именно этот такт был великолепной творческой находкой, настоящей «изюминкой».

Дмитрий Покрасс, который в молодые годы служил в Первой конной армии, с гордостью

рассказывал, что в 1919 году, во времена гражданской войны, написал на стихи Д'Актиля знаменитый «Марш Буденного». И как-то композитор Сигизмунд Кац довольно бесцеремонно сказал автору: «Брось эти выдумки про 1919 год, — написал ведь ты его уже во время нэпа. Покрасс обиделся и стал возражать. Тогда Кац спросил. «Скажи, Митя, у те-

бя там есть такой текст: «Сумеем кровь пролить за Эс-Эс-Эс и Эр?»

— Есть. Ну и что? — спросил Покрасс.

— А то, что СССР образовался 30 декабря 1922 года. А ты говоришь — сочинил в девятнадцатом.

Покрасс несколько смутился и о датах сочинения больше публично не вспоминал.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШЛЯПЫ

Чтобы сердце не изнашивалось, надо носить его возможно реже.

Дездемона умерла, потому что Отелло душил ее «Красной Москвой».

Богатырь у развилки трех дорог: На левой: «Ремонт. Объезд по правой». На правой: «Обвал. Объезд по центральной». На центральной: «Въезд только за СКВ».

Оказывается, что в Греции нет ничего. Ничего такого, что бы нельзя было купить.

Фотографии некоторых деятелей хочется видеть не только в анфас, но и в профиль. И обязательно с приложением отпечатков пальцев.

Старики бывают убеленными сединами и урозвленными лысиной.

Грязевую лечебницу закрыли за загрязнение.

Почему-то в наше время стало очень жалко Воробьянинова.

Старость — это налог, который мы платим за право побывать молодым.

Материя первична. Вторично — это где достать денег на ее покупку.